

Издание Херсонского Кафедрального собора Сретения Господня. Публикуемый ниже материал представляет собою подборки из проповедей и телепрограмм отца Иоанна Замараева, а также выдержки из богословских работ и выступлений выдающихся христианских мыслителей

23.9.12

№ 58 Ведмица

Для духовных размышлений на предстоящую неделю

Перед праздником Воздвижения Креста Христ.

В нынешнее воскресенье в храмах читается отрывок из 3-й главы Евангелия от Иоанна, где звучат удивительные слова: «...и как Моисей вознес змию в пустыне, так должно вознесену быть Сыну Человеческому, дабы всякий, верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную...» Ну, кто читал Библию, помнит о том, как во время скитания израильтян по пустыне, туда в какой-то момент наполнило много ядовитых гадюк. И очень много народу гибло. Тогда пришли к Моисею его помощники и сказали ему: согрешили мы перед Господом; помолись Всевышнему, чтоб Он удалил от нас змею.

И помолился Моисей Господу о народе. И сказал Господь Моисею: сделай себе медного змея и повесь его на столбе, выставь его, как знамя, и если кого-либо укусит гадюка, ужаленный, взглянув на этого медного змея, останется жив. И сделал Моисей, как ему сказал Бог, и люди, с верою глядевшие на это знамя, оставались живы.

Это ветхозаветное событие вспоминается в нынешнем чтении евангельском. Сам Иисус говорит о Себе, что Ему надлежит быть повешенным на столбе, так же, как в свое время Моисей вознес змея в пустыне. Как и при Моисее - для спасения жизни, только уже - вечной жизни. Чтобы всякий, верующий во Христа, не погиб, но имел жизнь вечную.

Надо сказать, что в Церкви всегда очень большое внимание уделялось смерти Христа на Кресте. Христиане убеждены, что именно смерть на Кресте, является, чуть ли не главным свершением в общественном служении Иисуса. Многие говорят об искуплении, о спасении человечества - именно через Крест.

С другой стороны, этот же Крест всегда вызывал множество недоумений. Зачем нужен этот Крест? Зачем - лютые страдания? Неужели Бог не мог совершить спасение людей без этого крестного ужаса?

На эти вопросы давно уже существуют вполне аргументированные богословские ответы, заставляющие умолкнуть любого скептика. Но богословско-теоретические доводы, они удовлетворяют лишь сферу человеческого разума. Эмоциональная сфера человека продолжает протестовать. Если не в уме, то в сердце, продолжает звучать этот вопрос: **ЗАЧЕМ** эти гвозди, зачем терновый венец, зачем - копьём в грудь Спасителя? И все богословско-философские доводы, по большому счету, не достигают цели.

О. Иоанн: «Эту задачу, на мой взгляд, сумел решить талантливый режиссер Скорцезо в нашумевшем фильме «Последнее искушение Христа». Ну, Вы помните, сколько шума было в связи с его показом на НТВ. Верующие устраивали демонстрации протеста. Заявляя о том, что этот фильм кощунственный, оскорбляющий религиозные чувства верующих, что это плевок в душу и т.п.

На самом деле - это гениальный фильм века. Это тот фильм, который увековечит имя его создателя. Но, я согласен, что «Последнее Искушение Христа» не надо было показывать в телеэфире и, тем более, на столь популярном, коммерческом телеканале. Этот фильм - культовый, элитарный. Он не для рядового телезрителя и даже не для рядового церковника. Для большинства простых верующих - это соблазн, а для неверующих обывателей - это сплошная тоска. А между тем, Скорцезо нашел гениальное решение ответа на вопрос о Кресте Христовом.

Дьявол в образе милой девочки, такого ангелочка, является Иисусу, висящему распятым на Кресте и говорит ему: всё, миссия Твоя выполнена. Всё, что от Тебя требовалось, Ты сделал. И теперь Ты можешь, невидимо для всех, сойти со Креста. Т.е., всем будет казаться, что Господь - на Кресте, на самом же деле - это будет призрак. А Иисус тем временем сможет уйти, так сказать, в заслуженный отпуск. Всё Он уже сделал - проповедал новое учение,

оставил после себя учеников, был арестован, судим и даже прибит ко Кресту. Все, как и было предсказано. А теперь можно и пожить в Свое удовольствие.

Это, собственно, и есть последнее искушение Христа, которое, по сюжету Скорцезо, Иисусом было отвергнуто. Но фильм этот построен таким образом, что зритель о том, что Иисус таки отверг это искушение, узнает только в самом конце. Вся же основная часть фильма - это растянутый во времени миг осознания Христом сути того, что предлагает ему дьявол. Иисус проигрывает в Своем уме - как бы всё это выглядело, и что было бы в случае, если поддаться этому искушению. Подвох режиссёра заключается в том, что мысли Иисуса инсценируются, и зритель на протяжении всего фильма думает, что Иисус действительно поддался на искушение дьявола и решил насладиться всеми прелестями земной жизни. Показывается, как Он сходит со Креста. Толпа распинающих продолжает глумиться, но теперь уже над призраком, якобы висящим на Кресте. «Ангелочек» сопровождает Иисуса, показывает красоту природы, приводит в селение, знакомит его с красивой девушкой. Христос женится. Любимая жена вскоре умирает. Иисус второй раз женится, и т.д. и т.п.

И вот, христианин, для которого Иисус - это Спаситель и Бог - смотрит на всё это и страдает. Сильно страдает. Выдержать эту душевную муку очень не просто - по себе знаю. Я только с шестой попытки смог досмотреть этот фильм до конца. Но когда мне это всё же удалось, когда в самом конце фильма оказалось, что всего того, что было показано в фильме, не было, наступило какое-то удивительное душевное облегчение. Камень свалился с плеч. Но что очень важно, стало так ясно, так понятно - почему именно Крест! Почему нельзя было по-другому. Скорцезо сумел сделать то, что не удавалось ни одному богослову. Он без лишних слов и философствований показал - как было бы, если бы произошло всё не так, как написано в Евангелиях.

Великолепный фильм, но всем подряд смотреть я всё равно не рекомендую...»

В чём Церковь консервативна?

Есть такое слово, особенно часто употребляемое газетчиками и телевизионщиками - консерватор. Консервативная партия, консервативный взгляд. И, как правило, консерватизму противопоставляются такие понятия, как либеральный, прогрессивный, реформистский и т.д. И в связи с этим можно задать вопрос: вот Церковь - она какая - консервативная или прогрессивная?

Начинать любое рассуждение нужно с уточнения терминов - в любом серьезном разговоре. В противном случае будет получаться всё, как при строительстве «вавилонской башни» - говорят люди на разных языках, и каждый понимает по-своему, иногда спорят до посинения - ни о чем, одни и те же слова понимая по-разному.

Консервативный - что это за словечко такое? Иностранное, как можно сразу догадаться. От латинского слова *conservare*, что буквально означает - охранять, сохранять. Консервировать продукты, например. Сейчас повсюду построены громадные супермаркеты, в которых можно купить всё, что угодно - от малосенных маринованных огурчиков до замороженной клубники. Поэтому сегодня хозяевам необязательно заниматься закаткой бутылей на зиму - конечно, если материальное положение позволяет покупать всё готовое. Значит, консервация - это хранение.

В той или иной степени, все люди на земле консервативны. Все мы что-то храним. Какие-то вещи, раритеты, материальные или духовные ценности - мы об этом, как правило, не задумываемся. Культура языка, например. Еще младенцем человек учится говорить наречием своих родителей. На этом языке общается с окружающими и, в конце концов, передает язык предков новому поколению - своим детям, а те - внукам. И, кроме языка, много чего - взгляды, знания, моральные ценности, религиозность и тому подобное транслируется из поколения в поколение.

А есть заведения консервативные целиком по своей сути - музеи, например. Главная задача, ведь, какая у музейных работников? Сохранить исторические ценности, **законсервировать** их - будь то картины знаменитых художников или памятники старины. Конечно, не просто сохранить, а и обеспечить доступ современникам к сокровищам прошлого.

Именно в последнем смысле так же консервативна и Церковь. Ведь, главная наша задача, какая? Сохранить переданное нам Богооткровение, собрать и собрать духовный опыт множества поколений и сохранить, опять-таки, не для того, чтобы зарыть этот сундук с духовными драгоценностями поглубже. Нет, конечно. Задача Церкви - все эти ценности передать современникам и грядущим поколениям.

Но, в отличие от музея, Церковь предлагает нам не ископаемые черепки и косточки, не граммофоны и самовары, не папирусы и не глиняные таблички с клинописью, на которые интересно и поучительно посмотреть, но которыми никто уже не будет пользоваться. Например, можно с удовольствием рассмат-

ривать старые фотоаппараты, но пользоваться тем же «Фотокором» - большим пластичным аппаратом, вряд ли кто станет.

Церковь же предлагает нам не что-то ископаемое, а **живые** ценности, вполне применимые и актуальные для дня сегодняшнего. Причем, не только для той или иной национальной культуры или сословия, а для всех и каждого, без исключения.

Как все это происходит, и чем отличается подход служащих музеев от служителей Церкви?

Ну, во-первых, музей – это дворец **застывших** форм. Музей хранит предметы, как таковые. И задача музейщиков - ни в коем случае не допустить, какого бы то ни было, изменения экспонатов. В хранилищах поддерживается соответствующая стабильная температура, влажность. Ограждается все от попадания прямых лучей солнца. Сотрудники следят, чтобы, не дай Бог, жучёк не завёлся, плесень, грибок и тому подобное. Тот же оттиск гравюры и через двести лет должен остаться, по возможности, в таком же виде, какой он сегодня.

Что же касается Церкви, то здесь тоже наблюдается бережное отношение к формам. Но не формы сами по себе хранятся Церковью, а то, что они в себе заключают. Да, как мы отмечали в прошлый раз, разлом формы зачастую грозит потерей содержания. Простой мешок из ткани или полихлорвинила копейки стоит. Но если его порвать – мука высыплется на мокрую землю и пропадет. И это уже будет более серьезной утратой, чем потеря куска грубой ткани. Хотя, спору нет, старый мешок можно заменить на новый, или пересыпать муку в сухую бочку или герметически плотный ящик. Это запросто, но нельзя обойтись вообще без всякой упаковки, без емкости.

Что хранит Церковь? Богооткровение, основы веры, духовный опыт святых. Именно это является сокровищами христианства, которое веками бережется Церковью. В отличие от собирателя народного фольклора, объектом хранения для Церкви являются не традиции или обычаи, а Слово Божие, Священное Предание - Предание с большой буквы этого слова, основные истинные вероучения, догматы, в частности. Для чего? Для того, чтобы раскрыть эту тщательно хранимую сокровищницу каждому новоприходящему поколению. И по отношению к этому, **к сути нашей веры, Церковь консервативна**. Она столетиями и тысячелетиями неизменно хранит основы христианского вероучения и ценности свято-отеческого духовного опыта. Хранит **СУТЬ** – не формы. Жирной чертой дважды подчеркнем: хранит Церковь не обряды и не церковный фольклор, а **суть веры**.

И вот эта истина для многих, даже бывалых христиан, иногда является камнем преткновения.

Есть люди, которые ошибочно считают, что православие – это хранение обычаев, обрядов и устоев. Откуда такое заблуждение, нетрудно понять. Дело в том, что жизнь любого человека очень коротка в сравнении с любой историей - мира, Отечества или истории Церкви. Ну, вот представьте, ходит человек в храм десять, двадцать, пятьдесят лет, всю жизнь, и каждый раз начинается богослужение одним и тем же возгласом священника: «Благословен Бог наш всегда ныне, и присно, и во веки веков». Или «Благословенно Царство...» И как служилась всенощная под праздники с благословением 5-ти хлебов, так и служит, причем, по служебникам, которые изданы сто лет назад. Как будто ничего не меняется. Такое же убожество храмов, такое же облачение священнослужителей, хор поёт те же песнопения. Будто всё застыло. **Вокруг** храмов всё бурлит – новые автомобили, новые технологии, – компьютеры, мобильные телефоны, а в Церкви всё как было, так и остается.

И возникает иллюзия, что в Церкви всегда всё было точно так же как и сегодня.

О. Иоанн: «Я встречал людей, которые искренне убеждены, что апостолы ходили в священнических подрясниках и налагали на себя крестное знамение. Был один тип, который чуть не поколотил меня, когда я ему поведал, что литургия ранне-христианской церкви апостольского периода совершалась по домам за вечерней трапезой – за ужином. Причем, святое Причастие было не в начале ужина, а в конце. Почти весь первый век так было».

Проходит какое-то время, и литургия отделяется от трапезы. До нас дошли сотни всяческих версий древних литургий, которые совмещались или сменяли друг друга. И, кстати, появление наших знаменитых литургий Василия Великого и Иоанна Златоуста вовсе не исключали другие евхаристические формы. Это, во-первых.

А во-вторых, не надо думать, что то, что напечатано в наших служебниках под названием: «Литургия Иоанна Златоуста» или «Литургия Василия Великого» и вправду заключает всё то, что написали эти святители. Ни один, ни другой святитель не возлагали там, к примеру: «Миром Господу помолимся!». «О свяшнем мире, о спасении всех...» и т.д. Все это позже постепенно составлялось и прибавлялось – все ектинии, тропари, кондаки и прочее. К четвертому веку уже начинает что-то вырисовываться – началась литургия следующего образом. К собравшимся верующим приходил епископ и приветствовал их словами: «Благодать Господа нашего Иисуса Христа, и любовь Бога и Отца, и общение святого Духа да пребудет со всеми вами». Богомольцы хором отвечали: «и со духом твоим». Т.е., так же и тебе, и с тобой да пребудет Святой Дух.

После этого приветствия епископ призывал всех к молитве словами: «Вознесем сердца наши ко Господу» («Горе имеем сердца»). Народ соглашался: «Имамы ко Господу». И дальше епископ возглашал: «Благодарим Господа», и читал молитвы Евхаристического канона - почти в таком же виде, как это читается и у нас. Так вот Евхаристический канон – это, собственно, и есть то, что от Иоанна Златоуста плюс еще несколько священных молитв.

Евхаристический канон можно услышать в тех храмах, где он не скрывается от народа. Потому что, в силу роковых причин, так же издавна сложившихся в Церкви, священники стали читать основные литургические молитвы тихо, «про себя», «тайно». Это не есть хорошо. А почему так случилось, разговор отдельный.

Крещение совершалось в Церкви только за Божественной литургией перед Рождеством Христовым или Пасхой. Кто ходит регулярно в храм, наверное, обратили внимание, что в некоторые особые календарные дни на литургиях вместо «Святой Боже» поётся «Елицы во Христа крестистесе, во Христа облекостесе...» Так вот, в древности именно в эти дни и в этот момент Богослужения совершалось Таинство Крещения.

Венчание от литургии было отделено только к началу 2-го тысячелетия. И это было, так сказать, серьезной реформой. Кстати, до сих пор в Таинстве Венчания сохранилась, так сказать, тень литургии и святого Причастия. Если кто помнит, в конце венчания, молодым дают чашу с вином. Это след того, что в древности Венчание было соединяемо со святым Причащением.

Т.е. Богослужебные формы постоянно менялись, и Церковь благополучно забывала древние традиции и усваивала новые.

У нас на Руси поначалу во всех церквях богослужения совершались по Студийскому уставу, а потом постепенно студийский устав стал заменяться на Иерусалимский. Дольше всех Студийский устав продолжался в Новгороде – аж до 16-го века. А Студийский устав, надо сказать, вовсе не похож на Иерусалимский. Они сильно отличаются.

Таких вот примеров изменения богослужебных форм можно привести бесчисленное множество, но это будет утомительно. Кому интересно, пусть займётся исторической литургией. Благо, сейчас нет проблем с источниками и пособиями – всё есть в Интернете. У отца Якова Кротова – роскошная электронная библиотека. В поисковике наберите: Кротов Яков библиотека – и любая информация - на стрелочке вашей мыши.

Собственно, о чем мы говорим с Вами? Мы обращаем с Вами внимание на то, что Церковь, по сути дела, не привязана к любым формам – богослужебным, миссионерским, богословским или культурно-бытовым. Проходили годы, столетия, и в Церкви многое менялось внешне, но главное оставалось неизменным. Церковь создавала новые формы и оставляла старые. Составлялись новые молитвы, акафисты и молебны. Менялась архитектура храмов, церковная музыка. Хоровое пение, кстати, изменилось до неузнаваемости. Если бы мы услышали старинные церковные напевы одногласия – наверняка были бы с Вами в некоторой степени изумлены.

Таким образом, незаметно, плавно, без резких поворотов формы в Церкви изменяются. Формы **должны** со временем видоизменяться, потому что неизменная форма – это мертвая форма. А мертвая форма не может быть носителем живого Откровения. Форма должна соответствовать современности, быть информативной и понятной любому человеку дня сегодняшнего.

Так вот еще раз повторяем очень важную истину: Церковь неизменно хранит **суть нашей веры**, основы Богооткровения. И в этом Церковь абсолютно консервативна. Но каждому новому поколению эти основы должны подаваться по-новому, на новом, всем понятном языке и новых, приемлемых современному человеку и прозрачных формах и категориях. И в этом отношении Церковь прогрессивна, либеральна и поступательна, хотя не во все исторические периоды это очевидно, и не во всем это просматривается так уж однозначно и бесспорно.

Справедливо говорят, что в истории Церкви не было легких периодов. Всегда было тяжело по своему. Были и вовсе страшные периоды выживания, в частности, во времена Советской власти - тогда было не до творчества. О создании Церковью в эти времена чего-то радикально нового говорить трудно. Но можно - при явном **литургическом** застое, развивалась богословско-философская мысль. Двадцатый век был веком вертикального взлета православного богословия. Флоренский, Лосские, Афанасьев, Бердяев, Флоровский, Шмеман, Мейендорф, Мень и много других богословов подняли планку православной религиозной мысли очень и очень высоко.

А тот факт, что в Богослужебном плане за последний век мало что в Церкви изменилось – это не только плохо, но и в чем-то хорошо. Есть и плюсы, и минусы. Но об этом, если даст Бог, мы еще поговорим с Вами.